

DOI: 10.15372/HSS20240208
УДК 94+394+908(571/1)"195/197"
EDN: NQABXA

¹Е.А. КОЛЯСКИНА, ¹И.А. РУППЕЛЬ, ²Л.А. ЯВНОВА

**ПОЗОРЯЩИЕ НАКАЗАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КОММУНИКАЦИИ
ВЛАСТИ И СЕЛЬСКОГО ОБЩЕСТВА НА ЮГЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1950–1970-е гг.***

¹Алтайский государственный педагогический университет,
РФ, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55

²Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина,
РФ, 659333, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53

В статье на основании широкого круга источников проводится анализ практики применения позорящих наказаний в 1950–1970-е гг. в советской деревне юга Западной Сибири как элемента коммуникации власти и сельского общества. Применение позорящих наказаний рассматривается на трех уровнях сельского общества: первичный трудовой коллектив – предприятие/село – район. В отношении членов коммунистической партии эти уровни дублировались в партийных органах. Авторы видят в практике позорящих наказаний проявление «советского традиционализма», попытку использования традиционных общинных представлений и институтов в ходе выстраивания советских общественных организаций в селах – товарищеских судов, советов старейшин и т.д. Эти организации наряду с концертами самодеятельности и агитбригадами, стенной печатью и районными газетами становятся площадками для коммуникации сельского общества и власти, составным элементом которой являлись позорящие наказания как способ обсуждения девиантного поведения.

Ключевые слова: советская деревня, традиционализм, позорящие наказания, обычное право, власть, коммуникация.

Для цитирования: Коляскина Е.А., Руппель И.А., Явнова Л.А. «Позорящие» наказания как элемент коммуникации власти и сельского общества на юге Западной Сибири в 1950–1970-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 2. С. 59–66. DOI: 10.15372/HSS20240208

¹Y.A. KOLYASKINA, ¹I.A. RUPPEL, ²L.A. YAVNOVA

**SHAMING PUNISHMENTS AS PART OF COMMUNICATION
BETWEEN THE AUTHORITIES AND RURAL SOCIETY
IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE 1950–1970s**

¹Altai State Pedagogical University,
55, Molodezhnaya Str., Barnaul, 656031, Russian Federation

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 23-28-01443 «Сельское общество и власть в 1950-е – середине 1980-х годов: коммуникация и социальная память (на примере регионов Западной Сибири)». URL: <https://rscf.ru/project/23-28-01443/>.

Елена Александровна Коляскина – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории, ведущий специалист по УМР УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: istorik8881@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0951-2590>.

Иван Александрович Руппель – аспирант кафедры отечественной истории, ведущий специалист по УМР УНИЛ «Центр устной истории и этнографии» Алтайского государственного педагогического университета, e-mail: rappel99@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-6846-9572>.

Лариса Александровна Явнова – канд. ист. наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет, e-mail: lar.javnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2477-4759>.

Yelena A. Kolyaskina – Candidate of Historical Sciences, Altai State Pedagogical University.

Ivan A. Ruppel – Graduate Student, Altai State Pedagogical University.

Larisa A. Yavnova – Candidate of Historical Sciences, Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy.

²Shukshin Altai State University for Humanities and Pedagogy,
53, Vladimir Korolenko Str., Biysk, 659333, Russian Federation

The study of traditional elements in the Soviet experience of self-organization and issue resolution within the local rural community is relevant in the light of the ongoing Soviet past reassessment, on the one hand, and in the context of the existing public debate on the interference in the private life of a person on the other. The article analyzes the practice of using shaming punishments in the villages in the south of Western Siberia as part of communication between the authorities and rural society from the 1950s to the 1970s. The customary legal norms of public censure are reconstructed, and their role in the life of Soviet villages is shown. The publication analyzes interviews conducted in the Altai Krai villages, mainly among the East Slavic population, as well as documentary sources and publications in the regional press. A number of conclusions are drawn, including the identification of several social levels of the application of the shaming punishments, which were duplicated in the projection of the party/Komsomol authorities. The authors see a manifestation of Soviet traditionalism in the practice of shameful punishments, an attempt to utilize traditional communal beliefs and institutions in the establishment of Soviet public organizations in selos, such as 'zhensovety' (women's councils), comradeship courts, councils of elders, etc. Along with the rural landscape, amateur performances and 'agitbrigades' (propaganda concert groups), 'placard newspapers' and district newspapers, they become platforms for communication between rural society and the authorities, an integral part of which were shameful punishments as a way to discuss deviant behavior. The preservation of traditional reasons for applying 'disgraceful' punishments, including immoral behavior (drunkenness, adultery) and minor offenses, is noted. They are supplemented by a range of offenses related to the work of villagers (poor performance and quality of work, violation of labor discipline). Verbal or symbolic public censure, i.e. labeling a person with a low reputation status, becomes the main form of shaming punishment.

Key words: Soviet village, traditionalism, shaming punishments, customary law, governance, communication.

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе идет процесс переосмысления традиционного нематериального культурного наследия, усиливается интерес к знакомству с «народными традициями». Обращение к изучению традиционных элементов в советском опыте самоорганизации и самостоятельного решения вопросов в рамках локального сельского сообщества является актуальным в свете происходящего переосмысления советского прошлого, с одной стороны, а с другой – в контексте актуальной общественной дискуссии о контроле частной жизни человека.

К изучению позорящих наказаний в восточнославянской традиции обращались такие этнографы, как М.Н. Харузин [1885], Е.И. Якушкин [1910], П.Н. Зырянов [1974], М.М. Громыко [1986], А.Г. Горин [1990], А.Н. Кушкова [2006], С.В. Кузнецов [2008] и другие, прежде всего в контексте изучения обычного права и сельской общины дореволюционного периода. На материалах русских Сибири народные юридические обычаи рассмотрены в работе И.С. Бреус [2000]. Бытование позорящих наказаний в советской доколхозной деревне затрагивалось С.С. Крюковой в коллективной монографии «Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке» [Кириченко, Листова, Крюкова и др., 2021, с. 334–370], а также в статье Л.А. Явновой [2014] на материалах Алтая. Особо следует отметить публикации Н.Л. Пушкаревой, посвященные позорящим наказаниям для женщин в русском традиционном праве. В коллективной монографии «Бытовое насилие» она отмечает сохранение «традиции» обсуждения (осуждения) адюльтеров в советском обществе и в период хрущевской «оттепели» [Муравьева, Пушкарева 2012, с. 47–8]. В последнее время в междисциплинарном исследовательском поле

появились статьи, касающиеся деятельности товарищеских судов [Глебова, 2021; Иванов и др., 2023]. В настоящее время данная тема является слабо изученной, хотя некоторые нормы и представления о позорящих наказаниях сохраняются и в современной российской культуре.

Цель данного исследования заключается в анализе практики применения позорящих наказаний в 1950–1970-е гг. среди сельского населения юга Западной Сибири как элемента коммуникации власти и сельского общества. «Позорящие», или «устыдительные», наказания считаются частью обычного права, т.е. так называемого традиционного типа соционорматики, которая может сосуществовать с государственной правовой системой [Крюкова, 2003, с. 98]. Их применение в советской деревне исследуемого периода можно рассматривать как проявление советского традиционализма, уловить границы которого пытаются отечественные этнографы в последние годы и определить степень проникновения советскости в традиционное и традиционного в советское [Кириченко, Листова, Крюкова и др., 2021, с. 7–8]. Исходя из сказанного, в задачи данного исследования входит определение площадок/каналов, уровней коммуникации власти и общества, на которых использовались позорящие наказания в 1950–1970-е гг. в селах юга Западной Сибири; выявление сохранности и трансформации традиционных норм и представлений о позорящих наказаниях.

В основу исследования были положены полевые материалы авторского коллектива, собранные в районах Алтайского края, дополненные архивными источниками, включая районную периодическую печать.

Позорящие наказания в традиционной культуре считались бесчестящими, направленными на унижение личности. Они состояли обычно в исполнении над

виновным разных обрядов, которые должны были сделать его посмешищем в глазах общества и вместе с тем причинить ему нравственное страдание через осознание им своего позора. О сохранении данного смысла устыдительных практик в изучаемый период свидетельствуют слова респондентов: «Совет старейшин... Нарушитель стоит перед нами, краснеет и говорит, что самое неудобное, что было – перед Вами стоять»¹; «Ну, скажем, стыдно было, когда на ферме восемьдесят человек и шестьдесят человек в красный уголок зашли и начали Иван Ивановича править. Но я скажу, действовало это»²; «Хотели избавиться от пьяниц, стыдно будет, дак не будет пить»³.

Несмотря на все изменения, которые происходили в советской действительности, обычно-правовое понятие преступления как безнравственного поведения сохранялось. У старшего поколения деревенских жителей оно было связано с представлением о грехе: «Грех – это когда ты поступаешь не по своей совести»⁴; «Воруют они, грешат, негоже так вести себя»⁵. Поэтому аморальное, с точки зрения деревенского общества, поведение также нуждалось в наказании, даже если оно не было запрещено законом. Применение позорящих наказаний в традиционной русской деревне распространялось на область морали (наказания за нецеломудрие и прелюбодеяние), сферу имущественных отношений (наказания за воровство) и некоторые другие, менее «регулярные» области социальных взаимоотношений [Кушкова, 2006, с. 320–334].

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЛАНДШАФТ. САМОСУД

На низовом/сельском уровне встречаются кейсы применения физических наказаний до рубежа 1950–1960-х гг. Так, в с. Тугозвонovo Шипуновского района сохранились воспоминания о том, что председатель колхоза принародно высек за прогулы загулявшего колхозника: «Председатель у нас был, ох и строгий мужик... Были в колхозе непутевые, которые загуляют, запьют там и не выйдут на работу, он с ними строго старался, но не помогало, постоянно запьют, да не придут. Помню, была весна, началась посевная, и несколько трактористов не вышло в поле, их начали искать мол, где они, а они неспособные работать (пьяные). Ну тогда председатель наш... самого из них прогульщика взял и на лавку перед сельским советом положил... Ну и выпорол бичом прямо перед сельсоветом, народу то сильно много не было, но потом все узнали»⁶. Интересным является тот факт, что

в индивидуальной памяти респондента применение позорящего наказания запечатлелось как более эффективное, чем дисциплинарной ответственности: «Конечно, это помогло, потом этот, которого выпорол, долго еще работу не прогуливал... А как по-другому? На собрание коллектива его вызовешь, да не поможет, а зарплату тоже не вычтешь... Вот председатель... и пугал его»⁷.

Эта практика наказания в памяти очевидцев стала сравнительной моделью поведения. Так, респондент вспоминал о своей работе конца 1970-х гг.: «Я когда плотником работал, наша бригада здесь в новой школе классы и коридоры отделявала... И в конце июля повадились у нас несколько из бригады сначала опаздывать, а потом не приходило на работу. Так наш бригадир сказал, если к сентябрю не успеем отделку закончить, то он тех, кто не работал, перед учителями и школьниками так же перед сельсоветом выпорот... Они после этого меньше пропускать стали, мы тогда посмеялись, никому подикаш-ты с голым задом ходить не охота»⁸.

В 1950-е гг. в казачьих селах Чарышского района были случаи общественных порок за воровство: «Драли, вот у нас рассказывали, это уже Советская власть была, молодые у одного пасеку зимой обокрали, были дуплянки, ну вот они вынесли там, им присудили двадцать плетей, ну а там не плетью, а розгами, прутики такие здоровые. И вот кладут на лавку, снимают штаны и дерут, прилюдно, чтобы всем было неповадно. Один дед говорит: “Не так бьешь, дай-ка я”. Он им как врезал, потом приехала милиция, но они не сказали, кто их драл»⁹. В довоенное время общественная порка в казачьей среде применялась за более широкий спектр проступков: «Да за все нас лупили и секли, своровал – получи розгами за это, чтоб неповадно было, пьет – пойдешь, нажалуешься на него, ему тоже сыпят, бывало и что не слушает отца – детина, дак нагайкой ему саданет, сразу зауважает»¹⁰.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ САМОСУД

К категории символического самосуда можно отнести неординарный кейс наказания за употребление алкоголя работников «Сельхозтехники» в с. Шипуново в середине 1970-х гг. На территории предприятия была установлена касса в форме бутылки для выдачи заработной платы «проштрафившимся» работникам: «На выходе из Сельхозтехники, мы, когда приехали только (1975 г.), помню, на входе стояла, такая как, знаете, бутылка ... такая большая. И те, кто имел нарушения, они получали зарплату там. И все, там можно было получить зарплату вне очереди, но никто не хотел получать... На территории, там мимо нее не пройдешь»¹¹;

¹ Научный архив Института этнологии и антропологии Российской академии наук (НА ИЭА РАН). Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 65.

² Полевые материалы Е.А. Коляскиной (ПМК). 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, С.В.И., 1953 г.р.

³ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.В.Т., 1929 г.р.

⁴ Полевые материалы Л.А. Явновой (ПМЯ), 2011, Солонешенский р-н, с. Сибирячиха, В.Т.Ш., 1911 г.р.

⁵ ПМЯ, 2012, Чарышский р-н, с. Чарышское, А.А.К., 1926 г.р.

⁶ Архив Центра устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета (АЦУИЭ). 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвонovo, М.Л.П., 1952 г.р.

⁷ АЦУИЭ. 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвонovo, М.Л.П., 1952 г.р.

⁸ Там же, Б.Г.С., 1943 г.р.

⁹ ПМЯ. 2012, с. Тулата, Г.И.М., 1932 г.р.

¹⁰ Там же, Чарышский р-н, с. Тулата, В.М.Т., 1910 г.р.

¹¹ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.Т.Я. 1953 г.р.

«Ну стояла на проходной... Кто пьяницы, получали зарплату в этой бутылке... Вера работала, этим кассиром. Она говорит: “Я не пойду туда, скажут, что я пьяница что ли?!”. В виде бутылки сделано было и окошечко, и все пьяницы получали в окошечки у ей. Это специально сделали»¹². Актером практики данного наказания считался А.И. Хоменко – директор районного предприятия «Сельхозтехника» в середине 1970-х гг. Появление кассы, стилизованной под бутылку, могло быть связано с очередной антиалкогольной кампанией советского государства¹³.

Описанный вариант наказания имеет общую семантику с традиционным посрамлением виновного посредством вождения его по улицам села, которое было распространено во второй половине XIX – начале XX вв. [Кушкова, 2006, с. 330–334]. Данный тип наказаний применялся при нарушениях в сфере прав собственности и нравственности. Так наказывали воров, пойманных с поличным в старожильческом селе Сентелек Чарышского района еще в начале 1950-х гг.: «Вору связывали руки и привязывали все украденное им на шею, водя по улице, били иногда до увечья»¹⁴; за кражу сена «навязывали вязанку сырой травы и заставляли ее нести по деревне, причем крестьяне стегали его кнутами по голым ногам», а за кражу барана «проводили по улицам села с бараном, подводя его к окну каждого жителя, и пред каждым домом давали ему по одному удару»¹⁵. Навешивание украденного являлось семиотической процедурой узнавания вора [Кузнецов, 2008, с. 330]. Обязательной чертой наказания в виде посрамления был публичный характер, а именно наказание преступника всей деревней, толпой народа. Посрамление имело элементы праздника, сочетание конфликтности и карнавальности. В случае с работниками «Сельхозтехники» действовал тот же семиотический механизм узнавания пьяницы через демонстрацию контакта с «бутылкой» и «праздничности» момента получения зарплаты.

Пьянство встречалось очень часто в качестве причины применения позорящих наказаний в рассматриваемый период. В традиционной системе норм оно считалось позором, особенно злоупотреблявших алкоголем община могла наказать, причем особой строгостью наказания отличались казачьи общины: «Ну были загульные мужики, люди с призрением к ним относились, а коль управы на них не сможет народ найти, то высекут, да так, чтоб хруст костей стоял»¹⁶. В исследуемый период отмечается смягчение наказания, но представление об аморальности пьянства сохранялось.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественные организации – профсоюзные и партийные собрания, сходы села, женсоветы, товарищеские суды, советы старейшин – в исследуемый период являлись площадкой для применения практик позорящих наказаний: «Вызывали на партком, в райком и пропесочивали»¹⁷. Это вполне соответствовало традиционным представлениям о том, что наказание могло исполняться специальным лицом, которое избирала община, всей общиной или кругом, или лицом, которому был нанесен физический, моральный или материальный вред.

Часто предметом «разборов» на собраниях общественных организаций становилось аморальное поведение сельчан, к примеру, вне рабочее отношение и частные интимные связи. Так, в 1973 г. женсовет, а затем сход с. Ново-Повалиха рассматривали вопрос о поведении фельдшера, которая «очень нехорошо себя ведет, к ней очень много заходит мужчин»¹⁸. Даже в период хрущевской «оттепели» сохранялась установка на «традицию» гласного обсуждения семейных кризисов, связанных с адюльтером, обсуждения (и осуждения) их в рабочих и производственных коллективах, на партийных и профсоюзных собраниях [Муравьева, Пушкарева, 2012, с. 47]. Данные практики, по сути самосуд, историки вслед за социопсихологами возводят к покаянным практикам восточного христианства [Муравьева, 2012, с. 47; Хархордин, 2002, с. 128–129].

В 1960-е гг. были организованы товарищеские суды, которые, по сути, легитимизировали правовой обычай позорящих наказаний. Например, «Сельский общественный товарищеский суд при Родинском сельском совете» работал с 3 февраля 1960 г., заседания проходили примерно один раз в месяц. Суд рассматривал уголовные преступления против общественного порядка небольшой тяжести, которые мог рассматривать и народный суд, но товарищеский суд судил нарушителей «на месте совместно с обществом, и все они остались на работе в колхозе. В течение года своим честным трудом они оправдали себя... Кроме того, общественный товарищеский суд рассматривал мало важные дела общественного порядка»¹⁹. Видимо, важное значение для сельского общества имела возможность разрешить ситуацию на месте совершения правонарушения, дать дополнительный шанс виновному на исправление и сохранить человека как часть социума. Товарищеский суд часто разбирал правонарушения, возникавшие вследствие злоупотребления сельчан алкоголем, в частности, случаи семейного насилия: «Население очень интересуется судом. Народу бывает больше, чем в кино. Большинство жалоб поступает на хулиганские действия и семейные раздоры»²⁰; «Ф.Ф. Эккерт систематически

¹² ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Б.В.Т., 1929 г.р.

¹³ 16 мая 1972 г. вышло постановление Совета Министров СССР № 361 «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма».

¹⁴ ПМЯ. 2012, М.Е.С., 1933 г.р.

¹⁵ Там же, Г.И.П., 1929 г.р.

¹⁶ ПМЯ. 2012, Чарышский р-н, с. Чарышское, Н.Д.К., 1962 г.р.

¹⁷ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, И.Л.П., 1955 г.р.

¹⁸ Отдел по делам архивов Администрации Первомайского района. Ф. Р-10. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.

¹⁹ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 53.

²⁰ Там же. Л. 50.

отлынивал от работы, занимался пьянкой», в присутствии детей «часто избивает свою жену»²¹. Что касается наказаний, которые выносили товарищеские суды, то преобладали формы, связанные с общественным осуждением. Тот же Родинский товарищеский суд в течение 1960 – первой половины 1961 г. вынес решения по делам 43 сельчан, из которых: «порицание – 13, предупреждение – 16, общественных выговоров – 10, на поруки – 2, наложено штрафов – 4, обсуждено на коллективе – 4, на комиссии – 1, народный суд – 3»²². Товарищеские суды являлись формой привлечения населения к управлению государственными делами, также средством устыдить тех, кто не соблюдал нормы советского общежития. В этих акциях достаточно явно прослеживаются традиционные инструменты общественного порицания и контроля. Товарищеские суды должны были предупреждать правонарушения, наносившие вред обществу, воспитывать людей путем убеждения и общественного воздействия, создавая обстановку нетерпимости к любым антиобщественным поступкам [Иванов и др., 2023, с. 34]. Они стали гражданской формой самоорганизации общества с целью самоанализа и «работы над ошибками» в сфере нравственности. При этом опыт товарищеских судов является неоднозначным с точки зрения влияния на конкретную личность и общественную мораль [Глебова, 2021].

В некоторых селах Алтайского края были организованы еще «советы старейшин». В начале 1960-х гг. московские этнографы зафиксировали их наличие в селах Шипуновского района: «Когда разбираются дела о семейных раздорах, то кроме членов суда (товарищеского) прикрепляется еще кто-нибудь из членов совета старейшин, и они ходят в семьи по очереди 2–3 раза в неделю... В совете старейшин 17 человек. Все пенсионеры, кроме одного. Совет старейшин избирается населением... Совет старейшин имеет чисто воспитательную роль. Семейные дела они разбирают лучше, чем товарищеский суд»²³.

Интересно, что в 1960–1970-е гг. в советской пенитенциарной системе происходила перестройка в сторону гуманизации процесса исправления. Необходимо отметить, что понимание наказания существенно различалось с точки зрения писаного законодательства и обычного права: если для обычно-правовой структуры, прежде всего, важно было воздействие на моральную составляющую преступника, то официальный законодатель запрещает любые действия, которые направлены на унижение чести и достоинства как потерпевшего, так и преступника. Позорящие наказания применялись, судя по всему, в дополнение к административным или дисциплинарным, когда они слабо воздействовали на асоциальное поведение или наказания отсутствовали.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

На первичном уровне – звено, бригада, отделение, предприятие (колхоз, совхоз и др.), село – выпускались стенные газеты/боевые листки сатирического содержания, обычно «позорившие» работников, нарушавших трудовую дисциплину, допускавших срыв плановых показателей и т.п. Так, в начале 1960-х гг. в с. Коробейниково Шипуновского района в период посевной один-два раза в неделю выпускалась сатирическая газета «Колючка»²⁴. Судя по частоте встречаемости в Государственном каталоге музейного фонда РФ, «Колючка» была распространенным явлением в стране в указанный период. В с. Факел Поспелихинского района более креативно подходили к названиям бригадных «сатирических бланков» – «Вилы в бок», «С легким паром», «За ушко, да на солнышко»²⁵. В с. Калмыцкие Мысы три-четыре раза в месяц выходила общеколхозная сатирическая газета «Ежик»²⁶. Стенная печать с критикой считалась местной властью обязательным условием продуктивной работы: «Рассказы на страницах стенной печати о передовых методах уборки и о передовиках колхозно-совхозного строительства, острая, беспощадная критика тех, кто работает плохо, допускает брак и поломки уборочных агрегатов, безусловно помогут убрать урожай в лучшие агро-технические сроки и без потерь»²⁷. Акторами данных практик устыжения выступали руководители первичного уровня, комсомольцы, работники культуры, учителя.

В практиках позорящих наказаний использовалось и сельское радио с целью большего охвата: два-три раза в неделю по радио сообщали «о нормах выработки лучших людей и о плохих работниках»²⁸; «Каждый раз, когда собирается общественный товарищеский суд, передается по радио, что будет рассматриваться дело такого нарушителя»²⁹.

Зафиксировано два неординарных кейса позорящих наказаний на страницах районных газет в отношении отстающих в выполнении плановых показателей животноводческих хозяйств по надоям молока. В 1964 г. бюро парткома Славгородского района «учредило две газеты “Крокодил”: одну поощрительную – для передового хозяйства, другую – сатирическую – для отстающего». Газета должна была вручаться каждые десять дней по итогам надоев молока, об этом жители района извещались через газеты «Новости целины» и «Ротэ Фанэ», а также по радио³⁰. В районной газете «Новости целины» размещали заметку чаще всего на первой странице, обычно под на-

²¹ Судит товарищеский суд // Новости целины. 1964. 9 апр.

²² НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4449. Л. 53.

²³ Там же. Л. 50.

²⁴ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4450. Л. 71.

²⁵ Там же. Л. 74б.

²⁶ Там же. Л. 76.

²⁷ Стенная печать на хлебоуборке // Новости целины. 1964. 6 авг.

²⁸ НА ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 15. Д. 4450. Л. 71.

²⁹ Там же. Д. 4449. Л. 54.

³⁰ Новая районная сатирическая газета «Крокодил» // Новости целины. 1964. 24 янв.

званием «“Крокодил” шагает по району»³¹, или «Где сегодня “Крокодил”»³². При этом указывался коллективный виновный – хозяйство – и индивидуальные – председатель правления, секретарь партийной организации, зоотехник: «Сатирический “Крокодил”... перебрался в колхоз имени XXII партсъезда. *К стыду*, тт. Бондаря, Вильмса и Мороз надои здесь составляют всего лишь 4,6 килограмма молока на корову»³³. Во второй части заметки сообщалось, в какое хозяйство «переезжал» «поощрительный “Крокодил”». Периодически информировали о действенности такой формы позорящего наказания: «На многих животноводческих фермах побывал сатирический “Крокодил”. И там, где он “гостил”, принимались действенные меры по улучшению содержания и кормлению коров, и надои молока повышались»³⁴. Просуществовал «Крокодил», как минимум, два года.

В Шипуновском районе с 1973 по 1975 г. включительно «бракоделам рекордсменам» вручался приз «Колючий еж» с размещением заметки на второй или третьей странице районной газеты «Степная новь» в разделе «Экран – листок районного штаба по руководству социалистическим соревнованием» наряду с «именами лучших», «надоями молока» и другой информацией об успехах хозяйств района в соцсоревновании. Первоначально «Колючий еж» имел визуальное воплощение в виде рисунка эмблемы со схематичным изображением ежа и надписью «отстающему»³⁵. Затем он получил материальное воплощение – «макет колючего ежа», который состоял из деревянной основы, покрытой железными гвоздями. Его фотография размещалась вместе с заметкой. Фигурка «Колючего ежа» сохранилась в районном краеведческом музее: «У нас ежик же есть как символ отстающему коллективу... Ежик – он прям ежик. На болванке гвозди набиты, там чуть ли не тысяча гвоздей. Как символ, который вручался отстающему коллективу в соцсоревновании»³⁶. В данном случае продолжен ассоциативный ряд с предметами/животными, способными нанести рану, использовавшимися в качестве названий сатирической печати – «Колючка», «Крокодил» и т.д.

Идея и авторство образа принадлежало Григорию Ивановичу Никульшину – третьему секретарю райкома партии, отвечавшему за идеологию. Было принято Положение о переходящем призе «Мaket колючего ежа», согласно которому он вручался на районном совещании коллективу колхоза, совхоза, занявшему последнее место в соцсоревновании животноводов района³⁷.

В одном из рассказов респондента встретился сюжет, связанный с традиционным представлением о тя-

желых последствиях позорящего наказания для здоровья провинившегося человека: «Один руководитель инфаркт получил... после вручения (ежа)... У кого самые низкие надои в этом месяце, возили (смеется), вручали ежа. Все знали»³⁸. В данном случае акцентируются значимость широкой огласки наказания, урон репутации провинившегося.

Практически одновременно с «Колючим» ежом был учрежден приз «Обещалкину», присуждавшийся предприятию района, которое «обещало, но не сделало». Заметка о призе размещалась также в разделе «Экран», но «вручался» приз всего три раза³⁹.

ПРАЗДНИКИ И КОНЦЕРТЫ

Праздники и концерты художественной самодеятельности, выступления агитбригад являлись дополнительными площадками для коммуникации сельской власти и общества, на которых также использовались практики позорящих наказаний, но в смягченном виде. Концерт художественной самодеятельности был стабильным элементом советских праздников в деревне, часто дополнялся конкурсами частушек, песни, художественного слова, народного театра и т.п. Это делало возможным проявлять до определенной степени голос «снизу». Частушки в неформальном кругу или от агитбригады клуба/дома культуры высмеивали нарушителей трудовой дисциплины и деревенской морали.

Выступления агитбригад часто сочетали стенную печать и творческие формы посрамления – частушки, сценки и т.д. Попасть в такие позорящие сюжеты было серьезным неформальным наказанием в рамках трудового коллектива. Респонденты вспоминают: «Летом мы много работали в агитбригадах, ездили по полевым бригадам, готовили концерты, стенгазеты, боевые листки... Чаше всего делали “Молнию” (боевой листок), в котором сообщали новости, показатели, освещали ход работ на полях, но иногда и выпускали “Рашпиль”, это был тоже боевой листок... В нем мы про всяких отстающих или нарушителей писали... Помню (смеется), у нас один шофер молодой неопытный во время езды кузов поднял и половину зерна на дорогу проспал. Мы в “Рашпиле” про это написали и его нарисовали, только вместо рук коряги, мол, рук у него нету»⁴⁰.

Практики использования стенгазет и художественной самодеятельности как формы позорящих наказаний в крае были заложены еще в 1920-е гг., когда появились первые агитколлективы, в частности, в с. Шипуново был создан агитколлектив в рамках общесоюзного движения «Синяя блуза»: «Мама, она была комсомолка, участвовала в движении “Синяя блуза”, она была активная у нас, озорная, шутница...

³¹ Новости целины. 1964. 23 фев.

³² Там же. 1965. 29 янв.

³³ Там же. 1964. 18 авг.

³⁴ Там же.

³⁵ Степная новь. 1973. 6 фев.

³⁶ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, М.Т.А., 1965 г.р.

³⁷ Степная новь. 1973. 24 фев.

³⁸ ПМК. 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, С.В.И., 1953 г.р.

³⁹ Степная новь. 1973. 15 фев.; 13, 22 мар.

⁴⁰ АЦУИЭ. Ф. 1. 2023, Шипуновский р-н, с. Тугозвонovo, К.Л.А., 1950 г.р.

Это, скажем, нашим языком... Ну критиковали, критическая направленность... Ну, может быть, лентяев, может, богачей, которые тогда не знаю, были или не были, но это так, это критическая направленность, выступали на концертах, какая-то агитбригада своего рода за новую жизнь»⁴¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в применении позорящих наказаний выделяется три социальных уровня: 1) звено трудового коллектива – бригада, отделение и т.д.; 2) предприятие – колхоз, совхоз и т.д./село; 3) район. Эти уровни дублировались в проекции партийных/комсомольских органов власти. Существование практики позорящих наказаний в исследуемый период – это проявление советского традиционализма, попытка использовать традиционные общинные представления и институты в ходе выстраивания советских общественных организаций в селах – женсоветов, товарищеских судов, советов старейшин и т.д. Они наряду с общественным ландшафтом, концертами художественной самодеятельности и агитбригад, стенной печатью и районными газетами становятся легитимными площадками для коммуникации сельского общества и власти, составным элементом которой являлись позорящие наказания как способ обсуждения девиантного поведения и легитимный вид наказания, санкционированный со стороны советского государства. Среди акторов позорящих практик можно выделить: руководителей низового и районного уровня, комсомольцев и сельскую интеллигенцию. Отмечается сохранение традиционных поводов для применения устыдительных наказаний – аморальное поведение (пьянство, адюльтер), мелкие правонарушения. К ним добавляется спектр проступков, связанных с трудовой деятельностью сельчан (низкие показатели и неудовлетворительное качество работы, нарушение трудовой дисциплины). Вербальное или символическое общественное порицание, т.е. обозначение низкого репутационного статуса человека, становится главной формой позорящих наказаний. Таким образом, обычно-правовые нормы соответствовали тенденции гуманизации наказания, свойственной для позитивного права исследуемого периода, несколько смягчая вслед за наказаниями и конфликт между двумя системами. Применение физических мер наказания к провинившимся становится все более редким, нелегальным и частным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бреус И.С. Диалог культур в сложении системы обычного права у русских крестьян Сибири // Культурное наследие Западной Сибири. Омск. 2000. С. 355 – 356.
- Глебова С.В. Институционализация общественной морали на примере товарищеских судов XX века [Электронный ресурс] // Полилог / Polylogos. 2021. Т. 5. № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110015320-4-1/>. DOI: 10.18254/S258770110015320-4.

⁴¹ ПМК, 2023, Шипуновский р-н, с. Шипуново, Г.Т.И., 1942 г.р.

Горин А.Г. Обычное право России начале XX в.: правительственная политика // Правоведение. 1990. № 1. С.16–25.

Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX века. М.: Графа. 1986. 280 с.

Зырянов П.Н. Некоторые черты эволюции крестьянского «мира» в пореформенную эпоху // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1974. С. 380–387.

Иванов А.М., Зиновьева И.В., Масыгина Ю.Б., Федоскин Н.Н. Товарищеские суды: историко-правовой анализ организации и деятельности в 60-е годы (на примере Смоленской области) // Юридическая наука. 2023. № 3. С. 31–36.

Кириченко О.В., Листова Т.А., Крюкова С.С., Воронина Т.А., Шляхтина Н.В. Границы советского традиционализма: из опыта русского народа в XX веке (Этнологическое исследование): кол. моногр. / отв. ред. и сост. О.В. Кириченко, М.: Алетей, 2021. 688 с.

Кузнецов С.В. Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX – начало XXI в.). М.: ИЭА РАН, 2008. 362 с.

Кушкова А.Н. Посрамление за воровство в системе обычного правового судопроизводства российских крестьян второй половины XIX – начала XX вв. // Право в зеркале жизни. Исследования по юридической антропологии: сб. науч. стат. М.: Стратегия, 2006. С. 320–334.

Муравьева М.Г., Пушкарёва Н.Л. Бытовое насилие в истории российской повседневности (XI–XXI в.). СПб.: Наука, 2012. 199 с.

Харузин М.Н. Сведения о казачьих общинах: материалы для обычного права, собранные Михаилом Харузиным. М.: Наука, 1985. 388 с. Вып. 1.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.: Европейский ун-т, 2016. 507 с.

Явнова Л.А. «Позорящие наказания» в системе обычного права русских Алтая в первой трети XX века // Международный продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны»: сб. материалов. Барнаул: Литера, 2014. С. 198–201.

Якушкин Е.И. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права. М., Типо-лит. Губ. зем. управы, 1910. Вып. 1. 191 с.

REFERENCES

- Breus I.S. (2000). Dialogue of cultures in the formation of the customary law system among Russian peasants of Siberia. *Kul'turnoe nasledie Zapadnoy Sibiri*, pp. 355–356. (In Russ.)
- Glebova S.V. (2021). Institutionalization of public morality by the example of comrades' courts. *Breus I.S. (2000). Dialogue of cultures in the formation of the customary law system among Russian peasants of Siberia. Russkie starozhily: materialy III Sib. simp. "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoy Sibiri" (Tobol'sk, 11–13 dek. 2000 g.). Tobolsk*, pp. 355–356. (In Russ.)
- Glebova S.V. (2021). Institutionalization of public morality on the example of comrades' courts of the 20th century. *Polylogos*, vol. 5, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.18254/S258770110015320-4>. (In Russ.)
- Gorin A.G. (1989). Customary law of Russia at the beginning of the 20th century: government policy. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedenie*, no. 1, pp. 43–49. (In Russ.)
- Gromyko M.M. (1986). Traditional norms of behavior and forms of communication of Russian peasants of the 19th century. Moscow, Nauka, 278 p. (In Russ.)
- Kharkhordin O.V. (2016). To denounce and hypocrite: the genealogy of the Russian personality. Saint Petersburg, Evropeyskiy unt, 507 p. (In Russ.)
- Ivanov A.M., Zinov'eva I.V., Masyagina Yu.B., Fedoskin N.N. (2023). Comrades' courts: historical and legal analysis of the organization and activities in the 60s (using the example of the Smolensk region). *Yuridicheskaya nauka*, no. 3, pp. 31–36. (In Russ.)

Kharuzin M.N. (1885). Information about Cossack communities on the Don: materials for customary law collected by Mikhail Kharuzin. Iss. 1. Moscow, Tip. M.P. Shchepkina, 388 p. (In Russ.)

Kirichenko O.V., Listova T.A., Kryukova S.S., Voronina T.A., Shlyakhtina N.V. (2021). The boundaries of Soviet traditionalism (from the experience of the Russian people in the 20th century): an ethnological study. Saint Petersburg, Aleteiya, 688 p. (In Russ.)

Kushkova A.N. (2006). Shaming for theft in the system of customary legal proceedings against Russian peasants in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Antropologicheskii forum*, no. 5, pp. 212–241. (In Russ.)

Kuznetsov S.V. (2008). Economic, religious and legal traditions of Russians (XIX – early XXI centuries). Moscow, In-t etnologii i antropologii RAN, 362 p. (In Russ.)

Murav'eva M.G., Pushkareva N.L. (eds). (2012). Domestic violence in the history of Russian everyday life (XI–XXI centuries).

Saint Petersburg, Evropeyskiy un-t v Sankt-Peterburge, 200 p. (In Russ.)

Yavnova L.A. (2014). “Shameful punishments” in the system of customary law of Russians of Altai in the first third of the 20th century. *Sibirskoe pole: ot osvoeniya tseliny do prodovol'stvennoy bezopasnosti strany: sb. materialov Mezhdunar. prodovol'stv. foruma (Barnaul, 09–11 iyulya 2014 g.)*. Barnaul, pp. 198–201. (In Russ.)

Yakushkin E.I. (1910). Customary law: materials for a bibliography of customary law. 2nd ed., rev. Iss. 1. Yaroslavl, Tip. Gubern. pravleniya, 191 p. (In Russ.)

Zyryanov P.N. (1974). Some features of the evolution of the peasant «world» in the post-reform era. *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy, 1971*. Vilnius, pp. 380–387. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.02.2024

Дата рецензирования 04.03.2024

Статья принята к публикации 11.03.2024